

## МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ПЕРЕКОДИРОВАНИЕ КАК СЛЕДСТВИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Е. А. Проценко

*Воронежский институт МВД России*

Поступила в редакцию 10 декабря 2015 г.

**Аннотация:** в статье рассматриваются особенности процесса межъязыкового перекодирования с позиций взаимодействия языков и культур.

**Ключевые слова:** межъязыковое перекодирование, языковые контакты, лингвокультурология, национально-культурная детерминация.

**Abstract:** the article discusses features of the cross-linguistic recoding process from the perspective of linguistic cultural studies.

**Key words:** cross-linguistic recoding, language contacts, cultural linguistics, cultural determination.

Каждый язык описывает вокруг народа,  
которому он принадлежит, круг, откуда человеку  
дано выйти лишь постольку,  
поскольку он вступает в круг другого языка.  
*В. фон Гумбольдт*

Проблема взаимоотношения языка и культуры имеет более чем вековую историю. Она рассматривается как в трудах ученых, ставших классиками лингвистики, таких как В. фон Гумбольдт [1], Э. Сепир и Б. Уорф [2], А. А. Потебня [3], так и выдающихся представителей современности, например А. Н. Леонтьева [4], Ю. С. Степанова [5], Ю. Н. Караулова [6], В. Н. Телии [7], А. Вежицкой [8] и др. В истории лингвистики было высказано большое количество разных мнений по данному вопросу, вплоть до диаметрально противоположных. Пройдя путь от неразличения языка и культуры до отрицания их взаимосвязи, от идей о подавляющем влиянии культуры или языка, лингвистика пришла к необходимости формирования отдельного направления, посвященного изучению вопросов соотношения языка и культуры.

Наука, «исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке», сложилась на стыке дисциплин, изучающих язык и культуру, в конце XX в. и получила название *лингвокультурологии* [9, с. 28]. Становление отдельного самостоятельного научного направления связывается со сменой лингвистической парадигмы и формированием господствующего принципа антропоцентризма. Именно человек, как представитель национальной культуры и носитель языка, стал недостающим звеном в системе взаимоотношений языка и культуры, позволив исследователям рассматривать традиционную проблематику в рамках триады «язык – языковая

личность – культура» [10, с. 27–28]. С другой стороны, в условиях интенсификации межнациональных контактов, расширения границ и сфер межкультурной коммуникации, вполне естественно, что в центре внимания оказываются национально-специфические особенности языковых картин мира.

Современная лингвокультурология исходит из положения о взаимосвязи и взаимодействии языка и культуры, которые рассматриваются как два фундаментальных феномена [11, с. 31–32] или два разных кода, т.е. самостоятельные, независимые семиотические системы [9]. При этом их взаимоотношения носят сложный, комплексный характер. Как пишет К. Леви-Стросс, «язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов» [12, с. 196]. Другими словами, язык можно представить и как компонент культуры, и как ее орудие, и как доминирующий признак национально-культурной идентичности этноса, и как средство познания иной культуры.

В процессе диалога культур происходит не только сопоставление, но и взаимодействие лингвокультурных пространств, что приводит к обмену культурным опытом и ценностями, заимствованию лингвокультурных концептов [13]. Примечательно, что вектор межъязыковых взаимодействий имеет двустороннюю направленность, о чем свидетельствуют заимствования русских слов в западноевропейские языки, включая английский, происходящие на фоне

характерной для современного мира англоязычной экспансии [14]. Однако заимствование языковой единицы для обозначения инокультурного референта является результатом длительного процесса освоения чужой действительности, который проходит несколько этапов. В рамках настоящей статьи мы сосредоточим свое внимание на процессе межъязыкового перекодирования, под которым понимается «процесс кодирования единиц одной языковой системы в соответствие с правилами другой языковой системы» [15, с. 18].

Объектом исследования выступают языковые знаки, используемые для номинации предметов или понятий, входящих в сферу русского лингвокультурного пространства. Как правило, это лексические единицы, образованные в результате межъязыкового перекодирования и не зафиксированные в словарях, представляющие, таким образом, переходную стадию из одной языковой системы в другую. В отличие от заимствований, которые являются результатом языковых контактов, перекодированные единицы позволяют проследить именно процесс освоения чужой действительности, за которым следует освоение иноязычного языкового знака.

Исходя из положения о том, что на современном этапе развития общества средства массовой информации являются одними из основных средств трансляции лингвокультурной информации, мы использовали в качестве источника фактического материала британские национальные ежедневные газеты, имеющие онлайн-версии. Исследование, проведенное на основе корпуса примеров, насчитывающих более 1000 словоупотреблений, позволило нам наметить основные этапы и проследить некоторые особенности межъязыкового перекодирования с русского на английский язык.

Первоначально, сталкиваясь с предметами или явлениями жизни, быта, национальной культуры другого народа, язык противопоставляет их в рамках дихотомии «свое» – «чужое». Даже если иноязычные языковые знаки вводятся в график принимающего языка, они, как правило, имеют не свойственный данному языку звуковой состав, непрозрачную грамматическую структуру и размытую семантику. Например, в одном из выпусков газеты «Гардиан» приводятся русские фразы и выражения, которые можно использовать в ресторане, с использованием латиницы (рисунок).

«*Muladoi cheelavyek! Preeneesyeteetee, pazhaloosta, meenyoo.*»

«*ya magoo zukazat' stoleek ...?*» [Guardian, 10.02.2010].

Подобные примеры запечатлевают первую стадию освоения иноязычного слова – его формальное перекодирование. Единственный уровень, подверг-



Рисунок.

шийся адаптации в данном случае, – графический (даже не фонетический), структура же предложения целиком копируется с русского языка (Ср.: «я могу заказать столик?» и «*ya magoo zukazat' stoleek ...?*» или «что у вас есть?» и «*shto oo vas yes't?*» [Guardian, 10.02.2010]). Грамматические характеристики перекодированных единиц не вычлениваются и не осознаются, семантика скрыта и не воспринимается без параллельного перевода.

Формальными признаками, подчеркивающими иноязычное происхождение языкового знака, являются, как правило, выделение в тексте, наличие комментариев или толкований в скобках. В качестве примера приведем отрывок из газеты «Индепендент», в котором описывается специфическое для русского менталитета понятие *гулять*, которым так славятся русские: «What did you expect? *Gulyat* means to entertain (sometimes to excess) – and the Russians are famous for it. To outdrink a Russian, outscreech a Russian, outdance a Russian is a difficult business, indeed» [Independent, 01.03.2011]. – Что же вы ожидали? *Гулять* значит развлекаться (порой – сверх всякой меры) и русские славятся этим. Перепить русского, перекричать русского, переплясать русского – дело, и впрямь, нелегкое.

Для того чтобы передать на английском языке значение слова *gulyat*, автору понадобилось целых два предложения, в которых последовательно приводятся четыре глагола, призванные отразить емкую семантическую структуру русского слова – *развлекаться* (порой – сверх всякой меры), *перепить*, *перекричать* и *переплясать*.

На следующем этапе освоения иноязычного знака происходит хотя бы частичная его ассимиляция на разных уровнях – фонетическом, морфологическом, семантическом и синтаксическом (подробнее см. [15]). Лексика иноязычного происхождения приобретает грамматические категории, свойственные системе языка-приемника, оформляется с помощью словоизменяемых, а порой и словообразовательных аффиксов, например, *the term narod, the banya, their dachas, a Matryoshka doll, an «FSB-nik», a kremlinologist* и т.д.

Для данного этапа освоения лексики иноязычного происхождения характерна вариативность, которая проявляется в одновременном сосуществовании как орфографических, так и грамматических вариантов одного слова. В разных источниках и у разных авторов можно встретить не только различные способы написания одного и того же слова (например, «*Bortsch, Borshch, Borsch or Borscht*» в названии статьи [Times, 22.10.2004]), но и разные способы образования грамматических категорий. Так, существительное *vodka* (от рус. *водка*) в английском языке используется как в единственном, так и во множественном числе, например: «(...*vodkas* from 80p, snacks from 60p)» [Observer, 16.03.2008]. Интересный случай представляет вариант слова *vodkis*, в котором соединяются два формальных показателя множественного числа: типичное для русского языка окончание *-u* и присущая английскому языку флексия *-s*. Более того, в английском языке слово начинает употребляться с неопределенным артиклем, как существительное исчисляемое (*a vodka*).

В нижеследующем примере слово *blini* используется с неопределенным артиклем единственного числа *a*, что приводит к грамматическому рассогласованию с русским окончанием множественного числа: «Start with *a blini* (warm pancake) covered by melted butter, cream, diced cucumber, onion, egg and red vendace roe (£11). Then move on to the fillet *shashlik* (wrapped in bacon and a tomato sauce) at £13.50» [Telegraph, 02.08.1997]. – Начните с порции *блинов* (теплая лепешка), смазанных маслом, сметаной, с нарезанным огурцом, луком, яйцом и икрой красной рыбы (£11). Затем перейдите к филе *шашлыка* (завернут в бекон с томатным соусом) – £13.50.

Показательно, что в приведенном выше контексте значение слова *blini* объясняется в скобках как ‘теплая лепешка’, что, используя англоязычные дефиниции слова *pancake*, по-русски можно истолковать примерно так: ‘тонкая плоская округлой формы порция приготовленного на сковороде жидкого теста из молока, муки и яиц; лепешка, корж’. На данном этапе семантика иноязычного знака конкретизируется, но полностью воспроизводит значение соответствующего прототипа в языке-источнике, в связи с чем возни-

кает необходимость в пояснениях для массового читателя, не владеющего русским языком.

Таким образом, языковая единица остается ассоциативно связанной со страной своего происхождения и служит, главным образом, средством национально-культурной детерминации, что очевидно из нижеследующих примеров:

«We can never forget that Putin himself is a “*chekist* (career intelligence officer) at heart”, the president said» [Guardian, 12.12.2010]. – Мы никогда не сможем забыть, что Путин сам «*чекист* (офицер разведки) в душе», – сказал президент.

«Having resisted the temptation to see Bella at work, I wandered off to the nearest *Gastronom* (food shop)» [Telegraph 29.04.2000]. – Отказавшись от искушения увидеть Беллу за работой, я пошел скитаться в ближайший гастроном (продуктовый магазин).

«Among them were *Ragout* and *Bulka*, two of a raft of new Moscow eateries that are neither smoky dives nor “*elitny*” hangouts for *oligarch*» [Guardian 13.09.2011]. – Среди них «*Рагу*» и «*Булка*», две из кучи московских закусовых, и не прокуренные дешевые бары, и не «элитные» места времяпрепровождения олигархов.

Очевидно, что межъязыковое перекодирование используется в приведенных контекстах для передачи реалий, «важнейших культуронесущих единиц» [16, с. 7], тесно связанных с национальной историей, культурой и бытом. В связи с этим целесообразно упомянуть предложенную А. А. Кретовым и Н. А. Фененко классификацию реалий, основанную на триаде «семантического треугольника» (предмет – понятие – слово). Соответственно каждой из сторон треугольника авторы выделяют R-реалии, C-реалии и L-реалии [16, с. 10].

Выявленная в современной британской прессе лексика, перекодированная с русского языка, включает как предметы материальной реальности (R-реалии), так и разные символы национальной русской культуры (C-реалии), причем характерные для разных периодов истории нашей страны, начиная с дореволюционной России до наших дней [14].

Россия в британской прессе предстает как страна *борща, шапок-ушанок* и извлекаемых из вечной мерзлоты мохнатых *мамонтов*, а вот мысль о помидорах, выращенных в России, кажется достаточно странной: «The idea of tomatoes bred in Russia might seem odd, given that the shiny red ones seem most at home in sunny Mediterranean countries, rather than the land of *borscht*, fur *ushankas* and permafrosted woolly *mammoth*s» [Times, 29.08.2010]. – Мысль о помидорах, выращенных в России, может показаться странной, учитывая, что для родины ярко-красных томатов больше подходят солнечные средиземноморские страны, чем страна *борща*, меховых *ушанок* и замерзших шерстистых *мамонтов*.

На вопрос, что привезти домой из Москвы, журналист предлагает *меховые шапки, матрешки и плакаты с коммунистической пропагандой*: «You know you want to bring home those *fur hats, matrioshka dolls and Communist propaganda posters, so head straight for the Arbat*» [Telegraph, 27.03.1999]. – Знаете, если вы хотите привезти домой эти *меховые шапки, матрешки и плакаты с коммунистической пропагандой*, идите прямо на Арбат.

В сознании европейцев традиционно русские, «славянские сцены» ассоциируются с князьями и княжнами, закутанными в меховые шубы и мчащимися на тройке по замерзшему озеру, преследуемые волками на пути в боярский терем для отправления сатанинских обрядов:

«The novel opens with *troikas* bearing princes, princesses and a governess called Miss Harriet, all wrapped in fur *shubas*, speeding across a frozen lake pursued by wolves, and the next hundred pages abound with similarly Slavic scenes: demonic rituals in a boyar castle...» [Times, 21.03.1997]. – Новелла начинается тройками, на которых *князья, княжны* и гувернантка, которую зовут Мисс Харрит, все закутанные в меховые *шубы*, мчатся по замерзшему озеру, преследуемые волками, и следующие сто страниц изобилуют подобными славянскими сценами: сатанинские ритуалы в боярском тереме.

А учитывая суровые русские зимы, журналисты советуют одеть *валенки* и побольше шерстяной одежды вниз, например в Новосибирске, где температура опускается ниже –38 °C: «“Wear *valenki*, boots made from wool felt, and put on lots of woollen clothes underneath,” she adds» [Times, 07.01.2010]. – Наденьте *валенки* – обувь из шерстяного войлока, и добавьте побольше шерстяной одежды, – добавила она.

В одной из статей газеты «Гардиан» корреспондент рассказывает о своем визите на озеро Байкал. Интересно, как он описывает свое посещение русской бани. То, что в России называют местом физического и морального очищения, в Англии назвали бы клубом «садо-мазо». По признанию корреспондента, почувствовав уже через несколько секунд, что его уши, несмотря на защиту дурацкой треугольной шляпы, расплавились и глаза вышли из орбит, он выскочил из парилки и катался в снегу, как человек, который пытается сбить с себя огонь:

«The *banya* was ready. Ah, yes, the *banya*, what the Russians call a place for physical and moral purification, and in England we call an S&M club. We stripped and donned silly felt triangular hats to protect the ears. Then, to cries of “*lyogkogo para*” (may your steam be easy), into the *parilka*, the steam room. One of the guys poured a torrent of Baikal onto the coals and, despite my hat, within seconds my ears were melting and my eyelids peeling back over my head. To the sound of laughter, I

ran out screaming, clutching my head, into the snow, where I rolled around like a man on fire trying to put himself out. Which, in effect, I was» [Observer, 13.12.2009]. – Баня была готова. Да, баня, то, что русские называют местом физического и морального очищения, в Англии мы назвали бы клубом «садо-мазо». Мы разделись и надели дурацкие треугольные фетровые шапки, чтобы защитить уши. Потом, с криками «легкого пара» – в парилку (парную комнату). Один из парней вылил струйку Байкала на угли и, несмотря на мою шапку, за несколько секунд мои уши расплавились, а веки отогнулись выше головы. Под звуки хохота, я выбежал с криками, держась за голову и катался в снегу, как человек, пытающийся потушить на себе огонь, чем я, собственно говоря, и занимался.

Среди символов советской эпохи в современной британской прессе упоминаются, в частности, *прописка* и *блат*. Так, в одной из статей газеты «Гардиан» говорится о том, что, несмотря на либеральные изменения в Центральной Азии, в Киргизии невозможно устроиться на работу без прописки, как и в советские времена: «Kyrgyzstan has one of the most liberal constitutions in central Asia, but access to services is based on Soviet-era laws. Citizens have the right to free movement, but without a residency permit, or *propiska*, it’s illegal for Salamat to work in Bishkek and she has no access to healthcare» [Guardian, 23.11.2009]. – Киргизия имеет одну из самых либеральных конституций в Центральной Азии, но доступ к услугам основан на законах советской эпохи. Граждане имеют право на свободное передвижение, но без разрешения на проживание, или прописки, Саламат не может законно работать в Бишкеке, и у нее нет доступа к системе здравоохранения.

В приводимом ниже контексте *блат* ассоциируется с привилегиями *номенклатуры* и определяется как своеобразный «фаворитизм» для *аппаратчиков* и *выдвиженцев*: «The *nomenklatura* privilege, the *apparatchik* favouritism (*blat*), the mass squalor, and, of course, the terror of the Stalin years have been no real secret as far back as Viktor Kravchenko’s I Chose Freedom of 1946: this one-time *vydvizhenets* from Brezhnev’s home region and exact age cohort in effect gave us our first social history of “building socialism” ...» [Times, 15.06.2001]. – Номенклатурные привилегии, фаворитизм для аппаратчиков (блат), массовая нищета и, конечно, сталинский террор не были секретом еще со времен «Я выбираю свободу 1946» Виктора Кравченко: этот выдвиженец из родного для Брежнева региона и той же возрастной категории, по существу, представил нам первую историю «строительства социализма»...

В британской прессе подчеркивается, что некоторые символы прошлого века сохраняют свою акту-

альность до сих пор. Так, например, *субботник* и сегодня процветает в жилых кварталах городских районов: «The *subbotnik*, the unpaid working Saturday, is supposed to be a thing of the past, but it thrives in apartment blocks across the city» [Guardian, 20.04.2002]. – Субботник, неоплачиваемая рабочая суббота, считается связанным с прошлым, но процветает в жилых кварталах по всему городу.

Другой пример: *народная дружина* как добровольная организация по охране порядка, по свидетельству газеты «Гардиан», уходит корнями в царские времена, однако возрождается и активно используется в последнее время в Москве: «“Another volunteer corps, the *druzhina*, or people’s patrol, whose roots go back to tsarist times when it acted as a loyalist security force, has also been revived in recent years. The *druzhina* are law-abiding citizens who work with the executive power on all issues related to public security,” says Oleg Cherkasov, head of the *druzhina* in the northern district of Moscow» [Guardian, 26.11.2004]. – Другой добровольческий отряд, *дружина*, или народный патруль, чьи корни уходят в царские времена, когда она действовала как верноподданная охранительная сила, также возрождается в последние годы. Дружина – это законопослушные граждане, которые взаимодействуют с исполнительной властью по всем вопросам общественной безопасности, – говорит Олег Черкасов, глава дружины в северном округе Москвы.

Заметим, что среди перекодированной лексики особо выделяется группа топонимов, которые также передают национально-культурную специфику, например *oblast, gorod, ulitsa, pereulok, prospekt, proyezd* и т.д.:

«Where to find it: 12 *Ulitsa Bolshaya Lubyanskaya* (metro: *Kitai-gorod*)». [Guardian, 21.09.2002]. – Где найти это: улица Большая Лубянская, 12 (метро: Китай-город).

«12 *Baskov Pereulok* with a vigour that seems little diminished since he taught Putin judo 40 years ago» [Guardian, 12.07.2006]. – Басков переулоч, 12, кажется, его мощь практически не уменьшилась с того времени, когда он учил Путина дзюдо 40 лет назад.

Среди перекодированных единиц оказываются также наименования различных учреждений, таких как *GUM, univermag, gastronom, apteka, parikmakherskaya*, например: «I ventured into “*Parikmakherskaya*”, a barber’s shop run by *Syoma*, an old Jew from Minsk and a former “Soviet activist” (in his words)» [Telegraph, 29.04.2000]. – Я решил на «*Парикмахерскую*», заведение цирюльника *Сёмы* – старого еврея из Минска и, по его словам, бывшего «советского активиста».

В целом языковые единицы, образованные в результате межъязыкового перекодирования, отличаются

ся от собственно языковых заимствований по целому ряду критериев [15]. С позиций лингвокультурологического подхода принципиально важной является тенденция к утрате национальной специфичности и культурной детерминированности. Наиболее очевидным подтверждением данного положения могут служить заимствованные из русского языка общественно-политические термины *гласность* и *перестройка*. Впервые появившись в зарубежных средствах массовой информации в 90-е гг., они настолько прочно вошли в политический дискурс, что, по признанию газеты «Таймс», стали глобализмами [Times, 23.05.2004]. Действительно, в новом тысячелетии британские газеты пишут о *перестройке* и *гласности* уже не в России, а в Америке, в Шотландии, на Кубе и в Китае.

Однако подобные примеры употребления заимствований из русского языка безотносительно русской действительности неединичны. Так, традиционно русский *самовар* можно встретить сегодня не только в России или Польше, но и в Касабланке, Тегеране, в ресторанах Нью-Йорка или Лос-Анджелеса, и даже в Викторианском отеле в Вест-Энде, а слово *балалайка* используется и в названии Лондонского оркестра («the London *Balalaika* Orchestra» [Telegraph, 09.05.2014]), и в цитате из песни всемирно известной группы «Скорпионс» («Let your *balalaika* sing what my guitar wants to say» – Пусть твоя *балалайка* споет, что гитара хотела б сказать) [14].

К примеру, в приводимом ниже контексте речь идет о *западной номенклатуре*, которая пришла вслед за распадом Советского Союза: «It is the Cold War elites, the Western *nomenklatura*, which are now under siege in the wake of the fall of the Soviet Union» [Times, 20.11.1995]. – Это элита холодной войны, западная *номенклатура*, которая сегодня под угрозой из-за падения Советского Союза.

В заключение отметим, что перекодированная с русского языка лексика, выявленная на страницах западноевропейских газет, охватывает достаточно широкий спектр культурно значимых понятий, от бытовых реалий (*samovar, chuba, chapka, valenki, izba* и др.) до историзмов (например, *oprichniki, zemstvo*), профессионализмов (например, *zatschistki, bonviki*) или жаргонизмов (например, *vertouhai*). Однако основной объем перекодированных единиц представлен общественно-политическими и бытовыми реалиями, причем если первые более частотны, то вторые более разнообразны.

С позиций лингвокультурологического подхода процесс межъязыкового перекодирования имеет ряд специфических особенностей, что дает нам основания отличать его от заимствования, как минимум, в качестве одного из его этапов. Тем не менее средства языковой номинации или, точнее, реноминации «чу-

жого денотата, отраженного в сигнификате, средствами своего языка» [17, с. 154] принципиально не отличаются. В частности, возвращаясь к типологии реалий, основанной на триединстве «предмет – понятие – слово» [16], нам не удалось обнаружить каких-либо различий в способах языковой репрезентации данных типов, что можно расценивать как еще один аргумент в пользу самостоятельности языковой системы и относительной универсальности ее механизмов.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 448 с.
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
3. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня // Слово и миф. – М. : Правда, 1989. – С. 17–200.
4. Леонтьев А. Н. Человек и культура / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1961. – 115 с.
5. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка : семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 335 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
7. Телия В. Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / В. Н. Телия // XI Международная конференция «Логика, методология, философия науки». М. : Обнинск, 1995. – С. 102–106.
8. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 412 с.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
10. Иванова С. В. Лингвокультурология : проблемы, поиски, решения / С. В. Иванова, З. З. Чанышева. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. – 366 с.
11. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии : учеб. пособие / А. Т. Хроленко. – М. : Флинта, 2004. – 184 с.
12. Леви-Строс К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М. : Республика, 1994. – 180 с.
13. Новикова Т. Б. Заимствование лингвокультурных концептов (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Б. Новикова. – Волгоград, 2005. – 22 с.
14. Проценко Е. А. Русский язык в англоязычном медиапространстве (по материалам современной британской прессы) / Е. А. Проценко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 64–68.
15. Проценко Е. А. Межъязыковое перекодирование в творчестве Ф. М. Достоевского : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Проценко. – Воронеж, 2002. – 216 с.
16. Кретов А. А. Лингвистическая теория реалий / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 7–13.
17. Кретов А. А. Реноминация как проблема переводоведения / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 154–157.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. The Guardian. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/uk>
2. The Independent. – Mode of access: <http://www.theindependent.co.uk>
3. The Observer. – Mode of access: <http://www.theobserver.co.uk>
4. The Times. – Mode of access: <http://www.thetimes.co.uk>

Воронежский институт МВД России  
Проценко Е. А., кандидат филологических наук,  
доцент кафедры иностранных языков  
E-mail: [procatherine@mail.ru](mailto:procatherine@mail.ru)  
Тел.: 8-952-957-21-07

Voronezh Institute of the Russian Ministry of the Interior  
Protsenko E. A., Candidate of Philology, Associate  
Professor of the Foreign Languages Department  
E-mail: [procatherine@mail.ru](mailto:procatherine@mail.ru)  
Tel.: 8-952-957-21-07